Из воспоминаний Удовиченко Виталия Сергеевича, ветерана 376–й Кузбасско-Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии. 15 декабря 1985 г.

9-го февраля 1942 года в составе маршевой артиллерийской батареи в должности сержанта-командира орудийного расчета, ж/д эшелоном отправляемся из г. Нижне-Удинска на запад, на фронт. В товарных вагонах по 40 человек расположились, кто как мог поудобней и теплей. Отоплением служила чугунная печка, установленная посередине вагона, на которой все по очереди готовили каждый себе два раза в день пищу из сухих продуктов в котелках.

Все были сибиряки в возрасте 20-30 лет, в основном работавшие на производстве, колхозах или промысловой охоте.

Ехали с большими остановками, пропуская поезда со специальными грузами на фронт или встречные санитарные.

10 марта мы выгрузились на ст. Малая Вишера Октябрьской ж/д, идущей от Москвы на Ленинград, которая в 18 км по другую сторону р. Волхов была занята немцами. Сосредоточились в лесу, 1,5 км южнее станции, где нам выдали на 5 дней сухие продукты – сухари и концентраты. Все одеты были тепло, в шинели, валенки, шапки-ушанки и теплые рукавицы.

В ночь на 11 марта вышли на марш по направлению к фронту, линия которого обрисовывалась вспышками орудийных и минометных выстрелов и разноцветными змейками трассирующих очередей из зенитных пулеметов. Шли ночами, км. по 20-25, по глубоким заснеженным лесным и болотистым дорогам. Все попадающиеся по пути небольшие деревни до отказа были заполнены тыловыми подразделениями и госпиталями воинских частей. Жителям оставались только подвальные помещения и погреба. Мы на дневной отдых располагались, где как могли, в холодных сараях, на еловых ветках, разосланных возле костров, или

просто на снегу. Пищу готовили на кострах, а иногда ели концентраты всухомятку. На третий день навстречу нам вели конвоируемую группу – человек 16 пленных немцев, с опущенными на уши холодными пилотками, в летних шинелях, без рукавиц и в сапогах.

Мы шли на пополнение частей 2-ой ударной армии, выполнившей в январе прорыв фронта противника и углубившейся в тылы на 75-80 км, через горловину прорыва шириной 2-3 км, через болота, по заснеженным дорогам, по лесной местности.

На 5-й день ночных маршей, пройдя примерно 75 км, к утру 15-го марта мы прибыли в расположение 87-й кавалерийской дивизии.

В выстроенном порядке батарея в количестве до 170 человек была представлена начальнику штаба дивизии майору Вержбицкому В. А., который при опросе каждого произвел разбивку по полкам и подразделениям. При опросе меня, когда я сказал, что служил до войны в 32-й танковой бригаде при оперативном отделе штаба бригады по обеспечению бригады топографическими картами, определил в оперативный отдел штаба дивизии. Имея трехлетний опыт службы в мирное время в оперативной работе штаба, я вскоре приобрел в лице командования полное доверие. Командиром дивизии был полковник Трантин В. Ф., начальником оперативного отдела ст. лейтенант Поздняков П. Т.

В это время части 87-й кавдивизии после совершенного прорыва находились в обороне на фронте, в самой глубине образовавшегося «мешка». Из-за затруднительного и временами отсутствия бесперебойного снабжения частей 2-й уд[арной] а[рмии], в том числе кавалерийского корпуса генерала Гусева Н. Н. в составе 25-й, 80-й и 87-й кавалерийских дивизий, большинство лошадей пало. На корм для лошадей, по возможности, разгребая снег, собирали с болот мох, со всех крыш в деревнях собрали солому. Питание личного состава частей было ограничено, временами выдавали только по 2-3 сухаря, табак выдавали с

большими перебоями, мне иногда была добавка от майора Вержбицкого В. А., который не курил. Иногда продукты сбрасывали на парашютах с самолетов, но, если они попадали в лес, то попадали в руки тех, кто их первый находил, без распределения.

С наступлением весны из построенных землянок всем пришлось строить шалаши. Весенние воды образовали сплошные болота.

28-го апреля мне удалось на току рано утром убить из карабина глухаря, которого я передал на торжественный праздничный обед на кухню командования штаба дивизии. Для приготовления пищи я брал березовый сок, так как в болотной воде было много трупов лошадей. В морозное время дохлые лошади шли на пополнение скудного солдатского пайка, а у кавалеристов при себе всегда были клинки.

8-го мая по приказу Волховского фронта части кавалерийского корпуса, в том числе 87-я кавдивизия, сдали район обороны другим частям и должны были выходить за линию основного фронта за р. Волхов через горловину прорыва в районе Мясной Бор.

Мне пришлось со штабом дивизии из д. Веретье посильно забрать с собой в мешках оперативные документы и топографические карты и выходить в пешем порядке по дорогам к р. Волхов.

В день выхода из д. Веретье нас пробомбили три «Юнкерса», ранее они пролетали над нашими головами бомбить Мал. Вишеру и далее за линию фронта. Надо полагать, что командованию немецких войск уже стало известно о выводе частей кавалерийского корпуса за основную линию фронта. На меня первая бомбежка произвела неприятное впечатление. Пришлось бросками в промежутках после падания бомб и захода самолетов на пикирование, выбегать из горевшей деревни к лесу. Выходили по проселочным дорогам, по болотам, по жел. дороге на вагонетках в течение восьми дней.

Через горловину выходили группами, в одиночку в дневное время, по лежневке, представляющей из себя настил по болоту из стволов

деревьев сплошной и по ним в три-четыре доски настил по ширине колес автомашины. Кругом ни одного деревца, кустарник весь посечен осколками мин, снарядов и пуль. Все болото вокруг в воронках заполненных болотной рыжей водой. Расстояние примерно 2 км по лежневке я пробежал под редким минометным обстрелом бегом.

За р. Волхов штаб дивизии вышел в лес 17-го мая, когда полки дивизии еще выходили в основном в ночное время. Части дивизии расположились в лесу у д. Салищенск на пополнение и отдых. В конце мая и начале июня месяца бои в районе Мясной Бор ожесточились, появилось больше самолетов противника, завязались над р. Волхов воздушные бои с явным превосходством «Мессершмиттов». Мне пришлось быть свидетелем, когда два «Мессершмитта» в воздушном бою с четырьмя нашими истребителями сбили наш один самолет и погнались за другими тремя.

В начале июня горловина, через которую выходили части 2-й уд[арной] армии, была окончательно перекрыта, в этом районе наблюдались с восхода до захода солнца несмолкаемые бомбежки немецкой авиации. Из нашей дивизии на расширение прорыва в район Мясного Бора были переброшены два полка, подкрепленные танками, которые в самом начале боевых действий завязли в непроходимых болотах, а личный состав полков понес большие потери, не добившись успехов.

До июля месяца, в течение примерно месяца из 2-й уд[арной] а[рмии] выходили группами, одиночками.

В июне 87-й кавдивизии было присвоено наименование 327-й стрелковой дивизии, из которой из окружения вышло, как мне тогда было известно, всего 102 человека и самый старший из офицеров был в звании капитана.

В командование 327-й с.д. вступили: командиром дивизии – полковник В. Ф. Трантин, комиссар Г. М. Тонконогов, начальник

политотдела М. Н. Шинкоренко, нач. штаба майор В. А. Вержбицкий, нач. оперативного отдела капитан П. Т. Поздняков, нач. связи капитан М. Г. Пискунов, нач. особого отдела Скардин.

После пополнения и проведения боевой подготовки, 327-я с.д. по жел. дороге была переброшена в район д. Вороново и д. Карбу-сель. 27 августа 1942 года организованное наступление Волховским фронтом с задачей прорыва блокады Ленинграда, длившееся до 27 сентября, успеха не имело. 327-я с.д. была отведена на пополнение и подготовку к последующему прорыву блокады Ленинграда. В это время дивизией командовал полковник Н. А. Поляков. 327-я с.д. должна была действовать в направлении рощи Круглая, на самом укрепленном участке немецкой обороны. На левом фланге между рощей Круглая и Гайталово была развернута 376-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. А. Аргунова. До начала наступательной операции в дивизии была проделана огромная работа по сколачиванию всех подразделений с задачами, доведенными до каждого бойца. С натуры были зарисованы участки укрепленных позиций и огневых точек противника. В тылу были построены учебные полигоны и позиции немецкой обороны, на которых неоднократно с боевыми стрельбами были проведены учебные наступательные занятия. В оперативном отделе штаба дивизии была напряженная подготовка всех оперативных и боевых документов.

327-я с.д. была в составе 2-й ударной армии. На участке дивизии против рощи Круглая для наступления было сосредоточено на 1 км по фронту 360 орудий и минометов, примерно с расчетом по 3 снаряда на 1 кв. м. обработки позиций противника.

В 9 час. 30 мин. 12 января 1943 года около 2700 орудий и минометов Волховского фронта одновременно с Ленинградским начали артиллерийскую подготовку, длившуюся в течение 1 часа 45 мин. Гул и рев стояли невообразимые. Если одиночных пленных приводили, они все были контуженными. В первый день наступления 327-я с.д. добилась

серьезного успеха, она овладела рощей Круглая, где гитлеровцы оставили свыше тысячи трупов.

В полдень 18 января 1943 года в районе рабочих поселков № 5 и № 1 части 2-й ударной армии встретились с частями Ленинградского фронта. Блокада Ленинграда была прорвана, враг был отброшен от Ладожского озера к югу на 8-10 км. После боев под высотами Синявино в начале апреля дивизия была переведена к Ленинграду со штабом в Ново-Саратовскую колонию.

В своих воспоминаниях несколько вернусь к прошедшим временам. Когда 327-я с.д. получила новую задачу действия в районах д. Вороново и д. Карбусель дивизии потребовались топографические карты, и меня командировали за ними в штаб Волховского фронта в Малую Вишеру. Я из д. Селищенский поселок, где располагался штаб дивизии, на попутных машинах добрался до Малой Вишеры. Был полдень августа месяца, над станцией появились два разведывательных самолета противника, сбросивших по одной малой бомбе и следом улетевших к себе. Примерно через час над Малой Вишерой появилось до пяти тяжелых бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Началась массированная бомбардировка города и самой станции, где было очень много воинских эшелонов. Возникли сплошные пожары и взрывы ж.д. эшелонов с боеприпасами и горючим. От зенитного заградительного огня я видел только один сбитый бомбардировщик противника. Бомбардировка меня застала на окраине города, откуда мне пришлось под разрывами бомб выбегать к лесу, где располагался в землянках штаб Волховского фронта. Получив топографические карты, я благополучно вернулся в штаб дивизии.

При наступательных боях под Синявинскими высотами штаб дивизии располагался в землянках, оставленных отступавшими немцами, вырытых в крутом берегу одной из небольших речек. Район расположения командного пункта дивизии методически обстреливался дальнобойной

крупного калибра артиллерией. В 5 часов утра я был вызван командиром дивизии на наблюдательный пункт штаба, а в 6 часов утра сообщили по телефону, что прямым попаданием снаряда была уничтожена землянка, в которой еще спало три офицера. Когда я возвратился, пришлось откапывать убитых, оперативные документы и топографические карты.

Примерно в октябре месяце 1942 года было присвоение офицерскому составу новых званий и ношение новой формы - с погонами. Тогда мне было присвоено, поскольку занимал офицерскую должность, звание техника-интенданта II ранга, с двумя звездочками на погонах. За прорыв блокады Ленинграда в феврале 1942 года 327-ой стрелковой дивизии было присвоено звание 64-й гвардейской дивизии с торжественным вручением гвардейского знамени, а полковнику командиру дивизии Н. А. Полякову было присвоено звание генерал-майора.

В феврале 1943 года дивизия продвигалась вдоль Ладожского озера, на пути попадалось много разбитой немецкой техники и немецких трупов, которых никто не убирал, они или лежали, или стояли, вмерзшие в снег. В одном из боевых дней по пути к переднему краю был убит осколком мины наш боевой товарищ пом. нач. оперативного отдела штаба дивизии всеми уважаемый капитан С. П. Суржиков, которому перед наступательной операцией по прорыву блокады пришлось сопровождать на передовые позиции дивизии маршала К. Е. Ворошилова.

В начале апреля 1943 года из Ново-Саратовской колонии я был откомандирован в город Ленинград на Малую Охту на курсы мл. лейтенантов 42-й армии, которые закончил с отличием и получил звание лейтенанта - командира пулеметной роты в январе 1944 года. Откуда был направлен в резерв 42-й армии, который после отброшенного противника от Ленинграда, был расположен в г. Гдов, совершенно разрушенный после отступления немцами. Далее офицерский резерв армии бил переведен в совершенно уцелевшую д. Колоколово. В марте 1944 года я был направлен из резерва в 376-ю стрелковую дивизию командиром пулеметной роты.

ГЛАВА II

Из резерва 42-й армии, получив назначение, я из д. Колоколово на попутных машинах 19 марта 1944 года прибыл в расположение 1248-го стр. полка - штаб, личного состава в полку не было. Там я встретился со своими однокурсниками мл. лейтенантом Н. Казаковым и мл. лейтенантом А. Самойленко, тоже направленным на должность командира пулеметной роты. Утром 20-го к моей большой неожиданности мы по вызову были представлены командиру дивизии гв. генерал-майору Н. А. Полякову, переведенному из 64-й гв. с.д. в 376-ю стр. дивизию. Он несколько был удивлен и обрадован случайности встречи в своей новой дивизии бывшего гвардейца 64-й гв. дивизии, по которой он явно сожалел. Зная меня по штабной работе в течение более года, после формального опроса Н. А. Поляков утвердил меня в должности командира пулеметной роты 1-го батальона 1248-го стр. полка, а командирами взводов ко мне в роту назначили мл. л[ейтенан]тов Н. Казакова, А. Самойленко, и Горбушева.

На второй день 21-го марта в полк прибыло пополнение, и мне впервые пришлось формировать пулеметную роту. Мне первому предоставили право отбора из всего прибывшего пополнения пулеметчиков станковых пулеметов, так как многие бывшие пулеметчики с неохотой шли в пулеметчики, где приходилось носить тяжелую материальную часть и коробки с пулеметными лентами. Большинство предпочитали быть просто стрелками. С трудом удалось набрать восьми пулеметчиков, а остальных набрал по физическому состоянию. Рота была скомплектована из трех взводов по два пулеметных расчета из пяти человек каждый, всего из 35 человек.

Первые 2-3 дня ушло на укомплектование личного состава роты оружием, боеприпасами и всем необходимым для боевых действий. Полк расположился в лесу примерно в 20-ти км севернее г. Пскова. Командиром полка был подполковник Клевцов.

24-го марта 1944 года все командиры рот были вызваны командиром батальона капитаном Барнавским на рекогносцировку участка обороны севернее г. Пскова в восьми км. по ж.д. Гдов – Псков, которая была совершенно разрушена отступившими немцами, все стыки рельс были подорваны, шпалы поломаны специальным якорем, местами полотно ж.д. было взорвано, телефонные столбы все были также подорваны. Участок обороны по фронту был 2,5 км. в трех дотла сожженных деревнях. Через болотистую лощину на возвышенностях в целых деревнях примерно в 600-800 метрах были расположены немецкие оборонительные позиции.

Заметив наше перемещение по передовой, противник обстрелял из минометов.

Ночью 25-го прибыл в район обороны личный состав батальона. Взводы Горбушева и Казакова были приданы стрелковым ротам на фланги, а взвод Самойленко расположился в центре, на НП батальона, на высоте, господствующей над передним краем немецких позиций, откуда было хорошо видно часть г. Пскова, занятого немцами. Расположились в плохо оборудованных землянках, не вмещающих всех и пришлось рыть и оборудовать новые с накатом из лесных стволов и рельс с ж.д. полотна.

30-го днем одним стрелковым взводом с поддержкой взвода ст. пулеметов была произведена разведка боем для выявления огневых точек противника. Один из командиров пулеметного расчета выбыл по ранению в руку.

Противник вел пассивную оборону и, видимо, небольшими силами, но на хорошо подготовленных рубежах с железобетонными укрытиями огневых точек.

В ночь с 4-го на 5 апреля 1944 года наш батальон снимают с обороны, и маршем в 18 км выходим сев[еро]-восточнее г. Пскова к ж.д. Псков-Луга. Располагаемся в лесу, с утра строим шалаши, приводим в порядок оружие и остаток дня отдыхаем. 7-го апреля с комбатом Барнавским выходим на рекогносцировку переднего края для наступления.

Местность лесистая, заросшая кустарником, передний край противника трудно различим. 8-9-го произвожу рекогносцировку с командирами взводов и ставлю задачи на действия в наступлении. 10-го апреля наступление отменили, и в ночь на 11-е батальон выводят на 15 км в тыл для учебной подготовки к наступлению. Прибыли в сожженную деревню Подборотье, личный состав роты расположили в полусгоревшем доме, а с командирами взводов мы заняли землянку, предварительно вычерпав из нее воду, которую приходилось постоянно выливать котелками. Весна стояла дружная, кругом в лесу было много дичи, и я даже в одно утро вышел с автоматом на тетеревиный ток, но безрезультатно.

16-го вновь утром с комбатом вышли на рекогносцировку переднего края, в тот же район обороны, для принятия участка обороны. На другой день прибыли роты, и были расположены с четырьмя станковыми пулеметами и двумя стрелковыми взводами в густом живописном сосновом лесу. Противника не было видно, и лишь периодически прочесывали из пулеметов лес. Разлив небольшой речки нас отрезал от сообщения с тылом и от частых посещений проверяющих со штабов полка и дивизии. Через день, изучив передний край, мы с командиром 3-й стрелковой роты продвинули линию обороны ближе к противнику на 200 м на опушку леса до видимости его деревоземляного вала на расстоянии около 400 метров. Ввиду сильно заболоченной местности пришлось вместо траншей создавать деревоземляные валы, выполняя эти работы в основном по ночам, и при малейшем шуме противник обстреливал из минометов и пулеметов разрывными пулями, создающими дополнительный треск.

26-го апреля вечером нас в обороне сменяют, и с батальоном отходим на прежнее место в д. Подборотье и занимаем прежние землянки, почти полностью заполненные весенней водой.

В первую очередь приводим в порядок и чистим оружие, сушимся после ночного дождя и отдыхаем после ночного марша. К вечеру

переходим в д. Носково за 8 км. Прибыли по весеннему бездорожью только к ночи. Пулеметной ротой расположились во дворе разрушенной церкви. Ночной холод заставил искать какие-либо укрытия или землянки, но их нам никто не оставил и пришлось ночь провести на развалинах. Утром нашли одну землянку, из которой вычерпали воду и разместились с ком. взвода, старшиной и ординарцем. Все взводы были приданы стрелковым ротам, которые разместились в 1-2 км с занятием опорных пунктов второго эшелона. На другой день приступили к занятиям и оборонительным окопным работам по созданию глубины обороны 2-го эшелона.

Праздники 1-го мая мы встретили по-фронтовому, приготовили сами обед из риса и мясных консервов, нашли закопанный в ямах сгоревшей деревни картофель, а спирт по 50 грамм нам стали выдавать с 29-го апреля, который мы для праздника сэкономили.

После праздника дни проводили однообразно в боевой подготовке, наступила дождливая погода, а 9-го мая пошел снег. Только с 12-го мая наступила теплая весна, появились ласточки, бабочки, скворцы в надежде найти на прежних местах скворечники. Из сырых землянок все потянулись к солнцу на зеленую траву.

20-21-го мая я был при штабе дивизии на сборах командиров рот, в мое отсутствие во время занятий был легко ранен при обстреле из дальнобойного орудия л-т Самойленко.

2-го мая в полк поступило дополнительное пополнение подготовленных молодых бойцов, в основном алтайцев, еще не бывших в боях, и в роте стало 9 станковых пулеметов. Наш I-й батальон усиленными занятиями готовился к штурмовым. Дни наступили знойно-жаркими, стали надоедать комары. 6-го июня мы получили давно ожидаемую новость, что союзные войска высадили десант на французское побережье, открыв второй фронт.

9-го июня получили еще пополнение, численностью пять человек, пополнив роту до полного состава. Начались усиленные батальонные занятия с боевыми стрельбами.

12-го июня меня направляют на 10 дней в дивизионный дом отдыха, расположенный в бывшем медсанбате в сосновом бору около живописного озера. 19-го всех отдыхающих офицеров на автомашинах развозят по своим подразделениям и полкам. Свой батальон и роту нахожу в районе д. Скоморохова Гора. Батальон готовился к ночным занятиям с задачей штурма предстоящей высоты противника. Занятия проходили всю ночь до полудня следующего дня. Весь день готовим подразделения к наступательным боям, и в ночь на 20-е выходим на последнее тактическое учение, а командиры рот вместе с комбатом в это время выходим на передний план: в район д. Топорищево на рекогносцировку для наступления на высоту в расположении д. Гора. Усталые, почти двое суток не спавшие, возвращаемся в д. Торошино, куда уже подошел батальон. Пополняемся боеприпасами и всем необходимым для штурма. Проверив каждый пулеметный расчет и каждого бойца, остаюсь довольным хорошей подготовкой каждого. В тот же день 22-го июня в 20.00 скрытно, без малейшего шума выходим в р-н д. Топорищево, куда уже была выведена 30-я штрафная рота, приданная батальону на правый фланг с одним пулеметным взводом моей роты. Бесшумно располагаемся в заранее подготовленных траншеях во ржи, левее в обхват высоты сосредотачиваются две стрелковых роты с двумя взводами станковых пулеметов. Я остался на НП командира батальона. Ночью на исходный рубеж были доставлены ужин, завтрак и запас сухих продуктов на два дня, но некоторые солдаты больше свои вещевые мешки набили патронами и гранатами, которые выдавались без ограничения. Высота «Гора», занятая немцами, была господствующей на переднем крае, с которой просматривалась кругом вся местность до 15 км. От исходного рубежа до проволочного заграждения противника было 400 метров, которые при

атаке нужно было преодолеть бегом. Штрафная рота численностью до 80 человек была вооружена автоматами. Для наступления все шинели должны быть оставлены на исходном рубеже. Ночью саперами под проволочные заграждения были заложены заряды и разминированы проходы в минных полях. Ночи не хватало для окончательной подготовки к размещению, уже начинало светать, а одиночки и небольшие группы перебегали с передних траншей до исходного рубежа, что, по всей вероятности, не осталось не замеченным со стороны противника. 22-го июня весь день все выведенные подразделения просидели без единого движения, в основном спали. Ночью 23-го дополнили выведенных на исходный рубеж боеприпасами и всем необходимым. Все были готовы к штурму высоты. 23-го июня в 4.25 утра был произведен залп «Катюш» - это сигнал для всеобщей артиллерийской полковой и дивизионной артиллерии и орудий прямой наводки. Высота «Гора» покрылась сплошным дымом и пылью. После 30-минутной артминометной подготовки на левом фланге стрелковые роты вскоре достигли проволочных заграждений и ворвались в передние траншеи немцев. При недружной атаке справа штрафная рота, не достигнув проволочного заграждения и проходов в минном поле, под сильным пулеметным и минометным огнем, залегла на нейтральной полосе, и командиры штрафной роты не смогли поднять в повторную атаку, тем более что противником усилился артиллерийский заградительный обстрел всей наступательной полосы. Выползший с нейтральной полосы пулеметчик сообщил, что осколками мины убит лейтенант Н. Казаков, в расчете осталось два человека. Под усилившимся пулеметным обстрелом и плотным артминометным обстрелом на нейтральной полосе головы поднять было невозможно, и все живые и раненые остались лежать до наступления темноты. Я вместе с ординарцем после неудавшейся атаки штрафной роты, покинув наблюдательный пункт батальона, бросками под сильным арт. обстрелом выбежал в передние траншеи и пытался поднять

повторно в атаку, но на нейтральной полосе были все недосягаемы, без движения. Так и просидели на исходном рубеже под сильным арт. минометным обстрелом до наступления темноты. Слева ворвавшиеся подразделения в передние траншеи немцев были контратакованы немцами, усиленными «Фердинандом», и, понеся большие потери, без поддержки справа вынуждены были отходить - выползать к исходному рубежу. С наступлением темноты в дополнение к неудачам начался дождь. С помощью оставшихся пулеметчиков старшина роты с нейтральной полосы вынесли убитого командира пулеметного взвода лейтенанта Н. Казакова, которого в эту же ночь захоронили у д. Топорищево. Собрали, сколько смогли, в ночной темноте оружия и вынесли раненных. Всю ночь шел проливной дождь, затрудняя вести розыски и сбор оружия и обмундирования. К вечеру и в ночь прояснилась обстановка результатов неудавшейся операции по захвату высоты и потери в личном составе батальона. Наступающие две роты слева понесли очень большие потери. Два командира рот остались у немцев, не выйдя из боя. От личного состава рот остались только ячейки управления. Командир пулеметного взвода мл. лейтенант Горбушев был ранен в руку, и его отправили в медсанбат, командир взвода мл. л-т Самойленко А., мой лучший командир из всего взвода, вышел, вернее сказать выполз с наступлением темноты один из расположения противника, где они с гранатным боем вышли к третьим траншеям немцев.

Ночью после приказа об отходе с наступательных рубежей, после сбора и подсчета оставшихся в живых из 56-ти человек в роте осталось 33 человека, большинство пропало без вести, т.е. остались на стороне противника вместе с четырьмя станковыми пулеметами.

Возвратившись в ночь в прежний район д. Торошино, весь день сушились и приводили оружие и себя в порядок. Я подал в штаб полка сведения на убитых, раненых и пропавших без вести.

В ночь на 24-е июня мной была послана под руководством старшины еще одна группа пулеметчиков на передний край для сбора недостающего оружия и обмундирования. Но через 3 часа они вернулись безрезультатно, так как их не пустили на передний край обороняющие части. 25-го вернулся один из наводчиков пулеметного расчета взвода Самойленко, пролежавший под проволочным заграждением /фамилию не помню/. Отличившиеся в бою за высоту, были представлены к наградам. На следующий день по сведениям о недостаче имущества и оружия, а также обмундирования, которое обязаны были снимать с убитых, шинели, обувь, каски, оставшиеся на нейтральном поле боя, не занятом противником. У меня в роте насчитали *недостачу*[*] в 10-кратном размере на 8900 рублей, которые я должен был возмещать по 250 рублей в месяц. В течение двух месяцев с меня высчитывали, а после одной бомбежки документы финчасти разбомбили, и удержания прекратились.

29-го июня на разборе, проведенном командиром дивизии генерал-майором Н. А. Поляковым со всем личным составом оставшегося батальона, было отмечено, что батальон задачу выполнил, а захват высоты не был осуществлен из-за штрафной роты.

30-го июня получаем пополнение и оружие, в роте вновь стало 53 человека и восемь пулеметов. На этот раз мне было предоставлено право выбора пулеметчиков из трех рот. Из представленных к наградам, три пулеметчика были награждены медалями «За боевые заслуги» и орденами Красной Звезды командиры взводов Самойленко и Горбушев. А командир взвода л-т Казаков посмертно орденом «Отечественной войны II степени».

Вместо выбывших двух командиров взводов в роту поступили мл. лейтенанты Кухоренко и Козлов.

В июле дни наступили знойные. Приступили к занятиям. Рота расположилась у р. Торошинка, построили еще две землянки.

[*] *Вписано над строкой.*

Поступившее пополнение было малоподготовленным и менее дисциплинированным. 3-го июля пулеметный взвод мл. л-та Кухоренко с первой стрелковой ротой был направлен в распоряжение л-та Ненашева, готовившего группу десанта, вооруженную автоматами.

Вскоре батальон переводят в распоряжение дивизии в резерв, в д. Букаши, где мы нашли для всей роты достаточно приличные землянки, а р-н Торошино стал систематически обстреливаться тяжелой дальнобойной артиллерией. 6-го июля батальон был выведен в лес на заготовку настила на дорогу к переднему краю, до которого было 3 км, но была такая тишина, что иногда забывали про войну. Пищу готовили себе в котелках, с обеспечением табаком было плохо и приходилось сушить и курить листья, травы.

9-го в 4.30 утра, получив приказ, засветло скрытыми подходами рассредоточено вывожу роту к д. Торошино. Днем успели помыться в походной бане. Успел похлопотать за возвращение из медсанбата мл. л-та Горбушева. В ночь на 10-е июля, совершив 18 км марш, выходим к Псковскому озеру, где в обороне стоял наш 1248-й стр. полк. Утром 11-го в 10 часов по тревоге поднимают один пулеметный взвод на поддержку действующей штрафной роты по захвату «языка». Однако взвод был возвращен, и в 6 часов утра 12-го выходим ротой на шоссе Гдов-Псков для ремонта дороги. Днем всем командирам рот комбат ставит задачу на частную наступательную операцию штрафной ротой по захвату пленного. С наступлением темноты по мелкому ходу сообщения вводим в расположение боевого охранения двумя пулеметными взводами и размещаем на огневых позициях для поддержки наступления 30-й штрафной роты. Но к утру получаем приказ «отставить», и мы в тесных траншеях, ходах сообщения и «лисьих норах» располагаемся кто как может спать. Всякое передвижение на виду противника, который находился в 200 м, было исключено. Ночью выводим взводы из боевого охранения в оборону на самый правый фланг дивизии к самому озеру

Псковскому, где стрелковая рота при поддержке пулеметного взвода Самойленко приводит пленного немца, который без рубашки беспечно загорал на берегу озера.

Из допроса пленного и, судя по создавшейся обстановке, при обходе войсками 1-го Прибалтийского фронта, Псковской группировке немцев была угроза окружения, и немцы должны были оставить оборонительные позиции у Псковского озера и г. Пскова, а нам была поставлена задача каждую ночь «прощупывать» противника. Утром 15-го была поставлена задача подготовить один пулеметный взвод к вечеру на выполнение частной операции по захвату опорного пункта немцев из того же боевого охранения, в которое нас выводили ранее и отменили операцию захвата. В ночь на 16-е вновь сосредоточились в мелких траншеях боевого охранения. До начала времени было достаточно для отдыха, но как томительны и тревожны последние часы и минуты, есть не хочется, жара и духота стоят невыносимые, в траншеях тесно ходить, приходится шагать через сидящих и спящих людей.

В 17.30 по сигналу ракеты ударили первыми орудия прямой наводки, следом «заговорила» полковая и дивизионная артиллерия и минометы. Через две минуты по двум подготовленным выходам из траншеи поднялась пехота в атаку, станковые пулеметы плотным огнем поддерживали ее наступление, но не прошли наступающие 50-100 метров, были накрыты плотным заградительным огнем минометов противника, передние залегли, за ними, заколебавшись, залегли остальные. Назад в траншеи бегом стали возвращаться легкораненые. Атака захлебнулась. Станковые пулеметы были выдвинуты вперед для прикрытия отхода, но отходить пришлось только с наступлением темноты, а вынос раненых и убитых только ночью. Из пулеметчиков было ранено только двое и убит прямым попаданием рядом со мной связной Лысенко. Наступательная частная операция закончилась в 5 минут, зато пришлось отсиживаться в траншеях весь день до вечера. Каждый по-своему переживал

массированную артиллерийскую обработку хорошо пристреленных траншей нашего боевого охранения, каждый ожидал, что следующий снаряд попадает в него, было душно от гари и пыли, и так весь день до вечера. К ночи выходим из обороны боевого охранения 2-го батальона нашего полка на прежнее место обороны к берегу Псковского озера. Ночь была лунная, скрытно пройти было трудно, выводя взвод на левый фланг обороны батальона, перед нами в 3-5 метрах хлестнула из пулемета очередь, залегли, рассредоточились за складки местности, переждав минут 10, по одному зашли в ход сообщений до первых траншей. Линия фронта противника хорошо просматривалась местами в 200-250 метрах. День был жарким и, находившись за ночь, согнувшись, по длинным ходам сообщения и траншеям, болела спина и нога.

В ночь на 22 июля противник вел сильный артиллерийский обстрел нашей обороны. С рассветом батальонная разведка обнаружила, что немцы ушли. Пройдя проходами через разминированные участки, срочно преследуем, растаскиваем спираль «Брюно», наскоро устраиваем переправу через малую речку, где по неосторожности один пулеметчик утопил, а потом достал пулемет. К 8.00 вышли к р. Великая, я шел в голове передовой правой группы из пяти человек 2-й стрелковой роты, зашли в д. Загорицы, деревня пуста, ни одной живой души, но цела. Обнаружив наше передвижение, с другого берега р. Великой немцы обстреляли нас минометным огнем, броском выбегаем на другую окраину деревни, и далее в 500 метрах выходим к д. Лисковицы, куда вышел уже 2-й батальон, и также был накрыт минометным огнем, от которого у ограды церкви лежали убитые и раненые человек пять, которым была позднее оказана помощь. Укрывшись за 1,5-метровыми каменными стенами церкви, отдохнув, стали наблюдать за противоположным берегом реки Великая шириной до 500 метров. Но обнаружить противника не удалось. Я с группой вернулся в д. Загорицы, куда вышел 1-й батальон с артиллерией. По приказу вяжем плоты, разбирая сараи и полуразрушенные дома.

Личного состава после частных наступательных операций в батальоне убавилось вдвое. В пулеметной роте осталось пять пулеметов по четыре человека в расчете. По дороге, в деревне у колодца и на тропе подорвались на минах три пулеметчика. К вечеру прибыла десантная рота Ненашева с пятью понтонными лодками. Утром 23-го июля, пустив в разведку одну лодку и при этом не встретив сопротивления, весь 1248-й стрелковый полк спокойно форсировал р. Великая. Предыдущую ночь, отходя с левого берега, враг сжигал деревни, угонял скот и жителей, до нас только доносились крики и плач женщин. Всю ночь на горизонте было зарево пожаров.

Переправившись на левый берег р. Великой на второй лодке, я в ожидании переправы всего батальона успел по пояс вымыться и побриться. Дальше с взводом станковых пулеметов и стрелковым взводом преследуем противника с правого фланга полка и дивизии. На нашем маршруте остались две не сожженных отходящими немцами небольших деревни. Оставшиеся жители этих деревень при нашем приближении вышли встречать с земными поклонами и кто с чем мог, угощая нас молоком и еще чем-то, но были только женщины, дети и старики. Переходя по развалинам, взорванным мостам и изрытым взорванным дорогам, мы к вечеру подошли к старой эстонской границе. Деревни только что были сожжены, еще дымились, с не потухшими углями. Ночью зашли в догорающую д. Тупы, в темноте на уцелевших яблонях срывали печеные яблоки, которые утолили нашу жажду от дневных переходов, так как из колодцев из предосторожности воду никто не брал.

В ночь на 25-е июля заходим в д. Запутье, ближе к занявшему оборону противнику, который находился на возвышенности у окраины уцелевшей деревни в заранее подготовленных траншеях, впереди которых на 200 метров были выкошены все посадки хлебов и овса. КП батальона расположился в еще тлеющей разрушенной пекарне, откуда с кирпичных стен было хорошо вести наблюдение. В 10.00, после слабой артподготовки,

роты батальона поднялись в наступление и через 200 метров залегли в посевах овса под пулеметным огнем немцев. Оставив КП батальона, я вместе со связным по-пластунски по посеву овса поползли вперед к залегшим ротам, над головой дважды щелкнули пули снайпера, пришлось ползти зигзагами. Добравшись до командира 1-й стрелковой роты ст. л-та Ненашева, мы вместе с ним организовали по канаве оборонительный рубеж и наблюдательный пункт роты.

С наступлением темноты разыскал своих командиров взводов, пулеметы выдвинули в боевые порядки стрелков роты. После этого, вернувшись на КП батальона, первый раз за день съел котелок густого супа. Ночью к утру вновь вернулся в боевые порядки роты, где до 27-го день, отдыхая, а ночью закапываясь в землю, создавали надежное укрытие от снайперов. Когда при неосторожном выглядывании из-за бугорка снайпером был убит санинструктор, находившийся рядом со мной, был щелчок, и голова его с дыркой в глазу упала мне на плечо. Завтракали и ужинали только по ночам, когда из кухни, в термосах приносили повара.

По поведению противника, засевшего на хорошо подготовленных оборонительных позициях и выгодно расположенных по возвышенности, можно было предполагать, что дальше отходить без боя он не собирается и с хода без подготовки его не выбить. В ночь на 28 июля оборонительный рубеж сдали специальным частям АПАБ, и сразу же маршем км 50 с привалами по 2-4 часа 29-го выходим в намеченный район южнее 25 км Пскова. После завтрака в 7 часов утра выходим на рекогносцировку для наступления по развитию успехов ведущих наступательный бой 1250-й и 1252-й стрелковые полки. По наличию оставшихся пулеметчиков я из взводов укомплектовал два взвода, отправив л-та Самойленко на отдых в хозвзвод батальона.

К утру 30-го июля противник отступил и, преследуя его 8-10 км, готовились вступить в бой за д. Мотовилово, но немцы отступили к следующей деревне. Батальону был предоставлен небольшой отдых, и мы

разместились по эстонским домам, где нас приветливо эстонцы угощали и кормили. К утру на следующий день немцы опять отступили, и нашему 1-му батальону была поставлена задача перерезать дорогу на г. Изборск. На подходе к шоссейной дороге в мелколесье и кустарниках мы неожиданно встретились с немцами, которые нас встретили сильным автоматным и пулеметным огнем. Завязался автоматно-пулеметный бой, батальон с хода развернулся в цепь, левее нас разворачивался и второй батальон. В густых зарослях кустарника трудно было управлять боем, бойцы разбежались и залегли, ведя стрельбу из винтовок и автоматов, а станковые пулеметы обозначали себя только при стрельбе по «голосу Максимов».

В рядах немцев были «власовцы», которые с криком «Ура» пошли в контратаку, видимо, были пьяные, некоторые бойцы обманулись на русскую речь и крики, и были некоторое время в замешательстве, я также принял идущую цепь за наступающих 2-го батальона, а когда они стали строчить из автоматов в нашу сторону, тогда мы поняли, с кем мы встретились в бою. Через некоторое время ко мне подбежал командир пулеметного расчета и очень взволновано сообщил, что немцы укатили станковый пулемет, забросали расчет гранатами, при этом был убит наводчик и заряжающий, выскочили из кустов с криками по-русски и захватили пулемет. Лишь к вечеру ружейно-автоматная стрельба затихла с обеих сторон. Из моей пулеметной роты в результате этого встречного боя два пулеметчика были убиты, трое ранены. Потери были в батальоне незначительные, поскольку обоюдный оружейный огонь велся бесприцельный, минометы и артиллерия с обеих сторон не была развернута, была на марше. Утром немцы отступили, оставив четыре трупа, видимо, расстрелянных ими, в немецкой форме, возможно, «власовцев». Преследуя отступающего противника, к 6 часам вечера 1-го августа выходим в район леса в 1,5 км от немцев, вступивших в бой с наступающими полками нашей дивизии. От г. Пскова уже прошли 120 км.

В ночь на 3-е августа срочно идем на смену 1252-го полка, по сильно пересеченной местности, по оврагам, и только вышли на свой заданный участок к 9 часам утра, а в 10.00 с артподготовкой выбили немцев из трех траншей и заняли мызу Троиса. Вскоре противник пошел в контратаку, не устояли молодые солдаты батальона, побежали обратно, пришлось нам с командиром минометной роты удержать всех в первой занятой траншее, а артиллеристы прямой наводкой 45-ти мм орудий отбили контратаку немцев.

В течение дня был двухсторонний артиллерийский бой. На нашем участке появился немецкий «ишак» 6-ствольный миномет.

К концу дня в роте разбило прямым попаданием три пулемета, остался в роте один расчет из пяти человек.

3-го числа, после сбора оружия и имущества, окончательно выясняю потери роты и отправляю еще одного командира взвода л-та Горбушева в хозвзвод батальона. В 19.00 остатками стрелковой роты, а в батальоне осталась одна рота из 17 человек «активных штыков», *пошли в наступление*[*], но были встречены губительным пулеметным огнем немцев. Поднимать в атаку уже было не желательно, так как некем будет отбивать контратаки противника, который выставил против нас, для удержания выгодного оборонительного рубежа по жел. дорожному полотну курсантский состав. Три дня в траншеях не умывался, короткий сон был в подвале хутора, ночью по нам бегали крысы и прыгали лягушки.

4-го утром в затишье меня поздравляют с наградой – орденом Красной Звезды. Остатки 1-го батальона вливают в состав 2-го батальона, а офицерский состав отправляют в резерв штаба полка. Меня с одним пулеметным расчетом передают во второй батальон, где в пулеметной роте было четыре пулеметных расчета. Ночью снимаемся с обороны, передав рубежи другим частям, и выходим в лес на переформировку. До 11 часов 5-го, пополнившись боезапасами, 2-й батальон в 12 часов вновь выходит

[*] *Вписано над строкой.*

на прежний рубеж обороны для развития в третьем эшелоне готовившегося наступления силами двух не полных полков дивизии. Несмотря на 40-минутную артподготовку, прорвать передний край противника не удалось. Потери были незначительные, в роте стало шесть пулеметных расчетов, три взвода. Весь день находимся под сильным арт. минометным огнем, и лишь к вечеру наступило относительное затишье. Утром 6-го августа на всем участке обороны ни одного выстрела с обеих сторон, наступило непривычное затишье, чувствовалась большая усталость.

Со связным Нургалиевым вырыли себе на двоих яму, застелили ее соломой, весь остаток дня отдыхали, даже нашли время читать свежие, доставленные нам на передовую, газеты. Комбат 2-го батальона капитан Базанов – противоположность капитану Варнавскому, был спокойным, выдержанным, в любой обстановке был веселым и хорошо знающим свое дело.

В ночь на 8-е батальон был отведен в лес на 1,5 км для подготовки к следующей частной операции батальоном, и в ночь на 8-е выходим и занимаем те же траншеи. Утром в 5.00 после 2-минутного обстрела из орудий прямой наводки переднего края противника батальон поднялся в атаку и, не достигнув за 40-50 метров до траншей немцев, под пулеметным огнем залег. После повторной атаки, когда в боевые порядки вышли командиры стрелковых рот, а я стал за правофланговый пулемет, под сильным пулеметно-минометным огнем вновь все залегли в картофельном поле, и установить наличие и расположение оставшихся не представлялось никакой возможности. Разведка боем не удалась. Кто виноват? Были разные суждения офицеров, в том числе и мое, что во время атаки было мало пехотного автоматно-оружейного огня, так как было хорошо видно при нашей атаке: немцы вполроста высовывались из траншей, из-за бруствера и вели по нашим атакующим прицельный автоматный огонь.

В ходе наступления один пулеметный расчет взвода Самойленко выдвинулся до 50 метров от бруствера немцев, наводчик и пом. наводчика были убиты, а командир расчета потерял в картофельном поле место расположения пулемета. Поиски командиром взвода ночью пулемета обнаружить не удалось. Батальон в ночь был снят с передовых позиций в составе полка, отведен на 20 км на отдых и пополнение к берегу живописного озера, где находился запасной армейский стрелковый полк. //

Все предыдущие частные операции были с целью выявления сил противостоящего противника, его огневых точек и глубины обороны. Готовилась крупная наступательная операция в армейском и фронтовом масштабе.

Я возвратился в свой первый батальон 1248-го стр. полка, который, пополнившись личным составом за счет запасного полка, приступил к тактическим занятиям и 14-го августа по тревоге прямо с тактических занятий выступил на преследование отступавшего противника, сбитого с оборонительных позиций на другой день после нашего отвода, теперь уже силами всей армии.

За день и ночь проходили по 40-50 км. В первый день прошли те рубежи, на которых батальон вел наступательные бои, и тыловые подразделения, нашли наш станковый пулемет.

16-го были в походе, на ногах 22 часа с прочесыванием леса на 10 км, и за это время только два раза пришлось принять пищу из сухого пайка, к концу дня от усталости и дневной жары личный состав батальона валился с ног. Утром 16-го прошли г. Выру, жители все закрылись по домам. 17-го утром, благодаря появившейся авиации противника до 60-ти бомбардировщиков, движение было прекращено, и полк расположился на дневной отдых. Линия фронта была впереди на расстоянии 12 км. Расположились у жел. дор. полотна в 30 км от г. Выру. 18-го августа мне

был зам. командира полка майором Беляевым *вручен*[*] орден Красной Звезды.

В этот же день снялись с места отдыха и на марше за г. Антсла, неожиданно получив приказ, с ходу развернули батальон и отбросили немцев, не успевших закрепиться после атаки гвардейцев, лежавших на поле боя убитыми, на 1,5 км. Наше наступление для немцев было неожиданным и стремительным, в результате понесшим большие потери. В ночь сдали достигнутый рубеж другой части, отошли западнее г. Антсла км на 20, и 20-го вышли на исходный рубеж у одного из многочисленных хуторов с задачей наступления. В первый день наступление не состоялось, и я попросил разрешение комбата капитана Варнавского пойти в санроту полка, поскольку кисть правой руки от подкожного карбункула так распухла, что я с трудом мог владеть оружием, не говоря уже о переползании.

В санроте мне вскрыли опухоль и оставили до 24-го. На другой же день батальону были приданы пять танков, на которые посадили добрую половину личного состава, вместе с комбатом пошли в наступление, продвинулась с тяжелыми боями до 5 км. В небе над батальоном на целый день зависли бомбардировщики. Командир пулеметного взвода л-т Кухоренко был ранен, командиров стрелковых рот большинство контузило. 24-го я прибыл из санроты в батальон, когда он занял оборону, ввиду отсутствия офицеров пулеметную роту хотели расформировать по стрелковым ротам. Пулеметов осталось три и двенадцать пулеметчиков, рота не была расформирована. Командир батальона капитан Варнавский был убит, командир пулеметного взвода Горбушев был тяжело ранен, когда сидел в снопах в тылу немцев вместе с мл. лейтенантом танкистом из подбитого танка. Мы их обнаружили через три дня после того, как немцы отступили со своих позиций. Преследуя отходящего противника, к исходу 26-го августа перед г. Валга он нас встретил у речки арт. минометным

[*] *Вписано над строкой.*

обстрелом. Сосредоточились в лесу восточнее 2 км. В полку остался один первый батальон, в котором две неполных роты и четыре пулеметных расчета в пулеметной роте.

Командиром батальона был назначен капитан Лутковский, с которым я встретился только на месте сосредоточения южнее г. Циргулин. Три дня отдыхали и два дня занимались. Вечером 29-го по тревоге все командиры рот и батальонов выезжаем на машине вместе с командиром полка на рекогносцировку для принятия участка обороны. Личный состав батальона должен быть выведен следом за нами к окраине г. Циргулин, занятый нашими частями. Но немцы в этот момент начали продолжительную артиллерийскую обработку города, и нам не удалось провести рекогносцировку засветло. С наступлением темноты с помощью провожатых разводим по участку обороны свои подразделения с задачей удержания плацдарма по реке в полосе 1500 м. Сменившаяся часть ушла. Ночью на КП батальона приходит молодой солдат-украинец, грязный без пилотки и оружия, спрашиваем, откуда ты, я говорит из части, которую мы сменили. Предыдущим утром их рота атаковала немецкие оборонительные позиции, заняли первую траншею немцев, к вечеру немцы контратаковали их и отбили свои траншеи, а этот солдат не успел отступить вместе со своим подразделением и упал на дно траншеи, притворился убитым. Немцы, отстреливаясь, бегали по траншее, он им мешал, тогда они взяли и выбросили его через бруствер. При минометном обстреле немцы сели в траншее, тогда он соскочил и перебежал, пользуясь темнотой, в свои траншеи и попал уже к нам. До 9-го сентября за восемь дней обороны наш 1-й батальон 1248-го с. п. сменил три района вокруг гор. Циргулин, растягивая две неполных роты на 5-6 км.

На последнем участке обороны простояли четырн дня в лесной местности на крутом берегу реки, господствующем над позициями немецкой обороны. Мне было приказано получить еще два ст. пулемета, так как в обороне станковый пулемет незаменим, и каждый командир

стрелковой роты старался иметь на своем участке больше пулеметов. У каждого пулемета стало только по два – четыре человека почти бессменно. Погода становилась осенней, дождливой, частые переходы, в основном по ночам, в обороне тоже бессонные ночи, по болотам, лесам, мокрые под дождем, грязные от траншейной глины и грязи, давно не мывшиеся в бане. Все это сказывалось на усталости каждого. 9-го сентября сдали участок обороны, вышли в тыл на 10 км и сразу приступили к учебе, к тактическим занятиям.

11-го получили для офицеров посылки, укомплектованные из трофеев: по 100 шт. сигар и по 2,5 бутылки вина. Это было как раз ко дню моего рождения 14 сентября, когда мне исполнялось 28 лет. 12-го выходим к переднему краю и сосредотачиваемся в лесу южнее ж.д., идущей к г. Валга. После рекогносцировки в ночь с 13-го на 14-е вместе со ст. лейтенантом командиром 1-й стрелковой роты Морозовым И. П. и с тремя станковыми пулеметами взвода мл. л-та Гладышева под прикрытием ночной темноты с большой осторожностью подошли к немецкой обороне на 60-80 метров, удачно расположив по канаве бойцов и пулеметы. С очень большой предосторожностью, как могли, покормили всех из принесенных термосов ужином и завтраком. Мне пришлось пригласить на ужин имеющихся поблизости офицеров и отметить свой день рождения, может быть после предстоящего утром наступления больше не придется, мысленно так думал каждый про себя перед наступлением.

В 7.00 14-го сентября после 60-минутной арт. минометной хорошо пристреленной подготовки одна стрелковая 1-я рота поднялась в атаку. Правый фланг с лесным массивом был открыт. Успешно заняли вторые траншеи противника и постепенно, уже группами, стали продвигаться вперед. К концу дня в стрелковой роте остался один стрелковый взвод, один станковый пулемет с расчетом выбыл из боя. На другой день командир роты ст. л-т Морозов Иван Петрович был ранен в руку.

[…] Из командиров рот я остался один, и командир батальона ст. л-т Шомысов по телефону через связного приказал мне принять командование оставшейся стрелковой ротой, в которой осталось 16 бойцов, действующих двумя группами по восемь человек. Ползком, перебежками под арт. минометным не смолкающим обстрелом нахожу одну группу, уже оставшуюся в составе трех человек, и командира взвода, вывожу к подножью высоты 91,4, куда вышел и соседний 1252-й стр. полк, в задачу которого входило взятие этой высоты. Расположил в готовых открытых ячейках трех человек с ручным пулеметом и, не успев наладить телефонную связь с батальоном, которую подтащили следом за мной, и отрыть укрытие - наблюдательный пункт роты, как были накрыты по всей площади плотным минометным обстрелом противника, длившимся в течение 10 минут, который по счастливой случайности для нас обошелся без потерь. Следом с высоты бегом скатывались солдаты нашего соседнего слева полка. Задержать никого не удалось, и высота вновь была захвачена немцами. Связавшись с комбатом по телефону, ну и доложив сложившуюся обстановку, я запросил и мне вскоре на подкрепление подослали два ст. пулемета с активным и находчивым командиром взвода мл. л-м Артемьевым. К вечеру перестрелка стихла, и свободные от выставленной охраны разместились в неглубоких ячейках на сон. Утром выдержали еще 3 арт. налета противника, и последовавшие за этим атаки были отбиты.

18-го в ночь, под угрозой окружения его, противник оставил высоту и свои обороняющие рубежи. В полдень нагоняем его у пив. Завода, где он нас задерживает с заранее подготовленных позиций хорошо укрытым пулеметным заслоном. Несмотря на это, нам удается продвинуться еще на один км к опушке леса в двух км от г. Валга, где он нас задерживает «Фердинандом» - самоходным орудием. В батальоне к этому времени в одной роте осталось 10 активных штыков и два расчета станковых пулеметов по четыре человека. В активный бой не вступаем - некем.

Ночью 19-го противник отошел, как обнаружила разведка, а на рассвете с предосторожностью, чтобы не попасть под засаду идем на преследование.

В 8 часов утра 19-го сентября беспрепятственно по шоссейной дороге заходим в г. Валга. Улицы пустые, жители, видимо, попрятались и закрылись по домам. Проходим через весь город одними из первых наступающих частей, в центре горят взорванные и подожженные дома. Выходим на другую окраину города и получаем приказ расквартироваться на отдых.

20-го сентября по приказу весь оставшийся личный состав солдат передаем в 1250-й стр. полк, а офицерский состав остается в резерве своего 1248-го стр. полка.

ГЛАВА III

С 22 сентября по дороге через хутора, г. Вальмиера переходами по 10-15 км, через два – три дня по мере продвижения наступающего 1250-го стр. полка, остатки офицеров, человек 15, полка 1248-го шли следом на расстоянии примерно пяти км. На вынужденных остановках подыскивали для отдыха хутора с сараями, где можно было переночевать. Из строевых офицеров полка, наступающих из-под г. Пскова в полку осталось пять человек, остальные приходили с пополнениями на всем боевом пути в основном ближе к г. Балга. На подступах к г. Риге все чаще стали переводить из резерва пешего полка в 1250-й стр. полк на место выбывающих в бою, я же оставался в резерве полка только по настоянию командира 1248-го стр. полка подполковника Омельченко.

Специально радиограммой из штаба 119-го стр. корпуса, в составе которого была наша дивизия, я был извещен о награждении меня за успешные бои под г. Валга орденом Отечественной войны II ст. от 21.09.44 года.

13-го октября наши части, в том числе 1250-й стр. полк заняли правобережную часть г. Риги и на другой день полностью овладели городом. Перед отступлением немцы всюду расклеивали и разбрасывали

всевозможные листовки с угрозой применения нового вида оружия «Фау-2» - У-2, которое потрясет весь мир, и они возвратятся обратно в Россию.

16-го вошли на окраину г. Риги простояли три дня на квартире одного гостеприимного латыша, рабочего беконной фабрики.

18-го переправившись через Западную Двину по взорванному жел. дор. мосту, пешком 20-го зашли в г. Темери (Кемери) – курортный городок Латвии в шести км от Финского залива, куда мы с офицерами выходили посмотреть на море. В Темери разместился штаб армии. Наступали Октябрьские праздники, хотелось отметить по русскому обычаю, тем более что мы, офицеры, были без солдат, без забот, на отдыхе, в ожидании пополнения.

8-го ноября утром в полк прибыло пополнение рядового состава, и к вечеру я уже сформировал пулеметную роту в полном составе. Два дня было предоставлено для укомплектования орудием, боеприпасами и распределению по расчетам и взводам.

10-го в ночь на 11-е совершаем переход южнее Темери в район лесничества Менгали. Полк был укомплектован полным составом. В лесу построили временные шалаши, но спустя два – три дня наступившие холода заставили зарыться в землю, построить землянки, в которых соорудили из пустых бочек печи, а из консервных банок трубы. С первых же дней приступили к боевой подготовке. Первые три недели мне пришлось одному готовить роту из трех взводов, так как еще не было ни одного командира взвода, лейтенант Самойленко был взят вновь прибывшим командиром полка подполковником Карлашенко себе в адъютанты. Командир полка подполковник Омельченко выбыл в госпиталь по болезни. В первых числах декабря ко мне в роту перевели из стрелковой роты на должность командира взвода мл. л-та Тябут. Позднее на должность ком-ра взвода прибыл мл. л-т Бурцевский, который проявил себя грамотным, добросовестным и знающим свое дело командиром. Занимались усиленно, вставая в 6.00 утра, и после завтрака в любую

погоду выходили на ротные и батальонные тактические занятия с переходами до 20 км, возвращались к 18-19-ти часам. После ужина, вместо того чтобы уделить время своим бойцам, ежедневно до поздней ночи командиры рот были у комбата ст. л-та Шомысова на разборе прошедших занятий. К 12-му декабря полк был готов к наступательным боям, и со дня на день ожидали приказа на это. Но в связи с сильными дождями, по размытым дорогам к переднему краю было очень трудно перебросить технику, было отложено на неопределенное время.

22-го декабря после ночного марша к трем часам ночи дивизия вышла к переднему краю, а 1248-й с. п. сосредоточился на четыре км южнее Мыза Джукста. Ночь была лунная морозная, земля успела промерзнуть до 0,5 метра, пришлось с большой осторожностью, не создавая шума, каждому бойцу до наступления за ночь с помощью кирок и лопаток отрыть себе ячейку для укрытия в полный рост. Расположились в несколько эшелонов, наступление готовилось в масштабе армии. Впереди нас была расположена штрафная рота, за ней в 50-ти метрах 1-й батальон. Правый фланг нашего полка и нашего 1-го батальона был открыт, т.е. никаких частей для наступления не было. Необходимо отметить, что в большинстве проводимых наступательных операций наш первый батальон всегда оставался не защищенным с правого фланга. Поэтому на правый фланг я расположил взвод Тябута с двумя ст. пулеметами. В течение длинной декабрьской ночи успели весь личный состав два раза покормить и выдать положенные по 50 гр. спирта. Остаток ночи провели в полуразрушенном, без крыши каменном сарае.

В 10.00 23-го декабря началась арт. минометная пристрелка, длившаяся в течение полутора часов, после этого в течение 50 минут была произведена мощная арт. минометная обработка немецких оборонительных позиций. Все дружной цепью поднялись в атаку и, не встретив сильного сопротивления, с боем за два часа продвинулись до четырех км. Перед хутором Римейкас наступающая рота была несколько

задержана слабым огнем из автоматов. Подтянув отставший станковый пулемет, под его прикрытием пехота одного взвода захватила хутор. Справа, у другого хутора, занятого немцами, в 500 метрах я увидел, как немцы подогнали лошадей и стали впрягать их к орудию примерно калибра 150 мм, впереди меня метрах в 20 среди поля стоял станковый пулемет, развернутый в нашу сторону, я быстро перебежал к нему и увидел одного командира расчета сержанта Романенко с простреленными пальцами, остальные из расчета все выбыли. Тогда я развернул пулемет, заправил ленту и полностью выпустил по орудию и немцам, пытавшимся увезти его. Одновременно обстреляло наше подоспевшее 45-мм орудие, и немцы бросили пушку. Оставив сержанта Романенко у пулемета в ожидании оказания помощи и замены, я перебежал в занятый хутор. Там наших было человек 30. Захват хутора Римейкас был осуществлен с помощью подошедших слева двух наших танков. На хуторе захватили три взорванных и целых тяжелых орудия немцев, восемь человек пленных, несколько лошадей и другие трофеи. После 10 мин. передышки и сбора отставших в наступлении мы с командиром стрелковой роты поставили задачу на дальнейшее наступление. Противник, заметив с правого, не защищенного фланга наше скопление, начал из одного орудия обстрел прямой наводкой. Быстро укрывшись, стоя за кирпичной колонной сарая, при третьем разрыве снаряда примерно в 10 метрах, я почувствовал удар в правое плечо, поняв, что ранен я быстро упал в неглубокую канаву, там же был еще один мл. л-т из стр. роты, после очередного разрыва снаряда недалеко от нас, броском выбегаем из зоны обстрела. Укрывались в немецкой землянке, где было несколько человек и наша санинструктор, которая мне сделала перевязку и направила в санроту. Время было 14:30 23-го декабря. По пути в санроту недалеко от хутора Римейкас неожиданно наши самолеты пробомбили уже пройденные нами рубежи. В санроте меня, как ветерана полка, встретили хорошо, сделав укол, дав 100 гр. водки и горячего чая. Из санроты к вечеру имеющихся раненых на автомашине

перевезли в дивизионной медсанбат, где мне сделали операцию с удалением осколка. Утром 24-го я был отправлен в 222-й ППГ, где в тот же день неожиданно был приглашен на беседу командиром дивизии гв. генерал-майором Н. А. Поляковым, который в это время был по болезни в госпитале. Беседа была откровенной, которую он и хотел услышать от меня, пришедшего с поля боя офицера. Я ему рассказал об успехах, об отличившихся в бою солдатах и офицерах и о недостатках в управлении и действиях командира батальона ст. л-та Шомысова, чрезмерно принявшего спиртного. 25-го я был отправлен в г. Ригу в 1369-й ЭГ, где и пришлось встретить новый 1945 год, год предстоящей победы. В это время я уже был в звании ст. лейтенанта, (когда присвоили, не помню). 4-го января меня вместе с ст. л-том - танкистом Николаем Виноградовым перевели в госпиталь легкораненых № 3530, находившийся на другой улице г. Риги. В этом госпитале все были в своем обмундировании, по вечерам ходили в госпитальный клуб на киносеансы и танцы. Рига в это время жила своей столичной жизнью, на рынке, в магазинах можно было по очень дорогой цене купить почти все, что угодно. 4-го февраля вечером я был выписан из госпиталя, и 5-го на попутных машинах, минуя штаб армии, возвращался в свою 376-ю стр. дивизию, штаб которой в это время располагался в лесу под Мызой Румба. На повороте дороги случайно встретился с легковой машиной, в которой ехал гв. генерал-майор Н. А. Поляков. Увидев меня, он остановил машину и вышел, улыбаясь, встретить меня. Я, конечно, был удивлен таким вниманием и представился ему как добровольно возвращающийся в его дивизию после госпитального излечения, минуя отдел кадров штаба армии. Командир дивизии был очень доволен, когда кто-нибудь, тем более офицеры, возвращались в свою дивизию. В это время дивизия вела бои.

До 17-го февраля я пробыл при штабе дивизии с привлечением к работе в помощь к работникам строевой части. 18-го, получив назначение в свой 1248-й стр. полк на прежнюю должность командиром пулеметной

роты, захватив с собой прибывшего тоже из госпиталя своего бывшего командира расчета ст. сержанта Романенко, мы направились в штаб полка. Полк в это время двумя батальонами с половинным составом, после наступательных боев 15-го, второй день стоял в обороне. Около землянки командира полка подполковника Карлашенко лежало трое убитых, один из них был командир пулеметной роты первого батальона. Командиров пулеметных взводов тоже никого не было, и остатки пулеметной роты к моему приходу были расформированы. Командир полка, извещенный по телефону о моем возвращении, при моем появлении с докладом о прибытии в его распоряжение, встретил очень приветливо. После коротких расспросов о моем здоровье, приказал в ночь получить станковый пулемет и выставить в обороне 1-го батальона, дав мне еще два бойца для формирования роты. В землянке штаба батальона меня с радостными приветствиями встретили старые друзья-однополчане, зам. ком-ра батальона л-т Николаев, который временно замещал заболевшего нового комбата майора Попова, сразу по случаю встречи с помощью ординарцев был организован торжественный ужин. Это была настоящая искренняя фронтовая дружественная встреча ветеранов полка и батальона. Через 15-20 минут полковые разведчики в землянку штаба батальона притащили пленного немецкого «языка», изрядно израненного при захвате, с которого был снят маскхалат и передан мне для переходов по переднему краю, не везде имеющему траншеи. Имея уже трех человек с командиром расчета, ночью был получен в боепитании станковый пулемет, и к утру был пристрелян на огневой позиции батальона. В батальоне уже была одна стр. рота из восьми человек, в том числе телефонистов, и взвода 45- мм пушек, которые держали оборону на большом участке. Еще хорошо оборонительные позиции поддерживали «Катюши», стоявшие на прямой наводке. При малейшем оживлении на стороне противника, немедленный залп «Катюш» успокаивая их.

Через четыре дня в пулеметной роте стало уже четыре ст. пулемета и 18 человек личного состава, прибывающих одиночек на пополнение, но обученных пулеметчиков не было и приходилось прямо на огневых позициях обучать материальной части и действиям станкового пулемета. В помощь был дан еще один командир взвода. Случайно, также из госпиталя, мой бывший связной Навритюк, с которым мы по ночам ходили, проверяли службу в обороне пулеметных расчетов. По составу рота была, конечно, не такая, как в декабрьское наступление.

25-го февраля батальон в обороне передвигают вправо км на пять, левее Мызы Румбу, более удобный район в обороне, чем предыдущий, с готовыми землянками и лучше оборудованными траншеями. Противник на этом участке был активней и часто обстреливал из артиллерии. Единственного командира взвода отозвали на учебу, и я из офицеров остался один. Полночи вместе со связным Навритюком при лунном свете ходим по отдельным оборонительным гарнизонам, далеко удаленным друг от друга из-за недостатка бойцов, так что была возможность и вероятность проникновения разведгрупп противника. Поэтому всегда ходили с автоматами на боевом взводе и готовыми к бою гранатами. В это время мне удалось на каждый пулеметный расчет подобрать и подготовить опытных командиров-пулеметчиков, которые старались обучить своих подчиненных для самостоятельного ведения боя. Я же разместился в землянке в боевых порядках б-на с Навритюком вдвоем, который поддерживал постоянно огонек в печке и временами вычерпывал котелком или каской постоянно накапливающуюся воду. Остальное время, чтобы скоротать ночные часы, выходили, стреляли из карабинов или просто читали газеты, лишь только днем могли поспать.

С 4-го на 5-е марта сдали участок обороны и вышли в тыл на восемь км в резерв корпуса всем полком. 6-го приступили к регулярным занятиям по боевой подготовке. Прислали в роту ранее бывшего у меня командиром взвода мл. л-та Гладышева. Командир батальона майор Попов был

грамотным, требовательным и авторитетным офицером. Вскоре стали заниматься подготовкой к предстоящему параду по случаю годовщины дивизии. 9-го марта с утра полк был выведен в район медсанбата, где под духовой оркестр промаршировали весь день и по возвращению очень устали. Но долго отдохнуть не пришлось, к 10 часам вечера батальон подняли по тревоге и вывели в ранее занимаемый район обороны, якобы для усиления. Вся ночь ушла на расстановку пулеметов по обороне, а в 6 часов утра неожиданно сняли с рубежа обороны и вызвали в тыл на прежнее место. В 11.00 без отдыха были выведены на парад, потребовав от всего личного состава идеальной заправки и выправки, после бессонной ночи и ночных переходов с тяжелой материальной частью ст. пулеметов и полным боевым комплектом патронов к ним. В районе медсанбата, потренировавшись под духовой оркестр на все процедуры парада, в 16:00 встречаем командующего 1-й ударной армии. Принимаем дивизионное знамя, торжественно проходим мимо трибуны и расходимся по местам своего расположения. Меня и капитана Юрасова – командира минометной роты, как ветеранов полка оставляют на офицерский банкет. Обед продлился часа полтора с поднятием тостов генералами, после этого мы с Юрасовым, где пешком, где на лошадях, присланных за нами, добрались до своих подразделений.

11-го марта днем выходим на рекогносцировку с комбатом на передний край для занятия обороны. Облазив весь участок обороны батальоном, под вечер я уснул на одном из хуторов, занятом штабом обороняющейся части. В 12 часов ночи меня разбудили, сообщив, что выход в оборону отменили, и нам всем пришлось возвращаться на место расположения рот. Ночью мы сбились с дороги и, проплутав лишних км 10, к трем часам ночи добрались до своих землянок. На следующий день с утра учеба. 14-го внезапно батальон возвращают с учебы, как можно скоро собираемся и в ночь выходим в тот район, где проводили рекогносцировку. Батальон занял оборону по фронту два км, пятью отдельными гарнизонами

из 10-ти бойцов с одним станковым и одним ручным пулеметами. Местность была лесистая, впереди были расставлены мины натяжного действия и, несмотря на это, в прошлую ночь на этом участке у предыдущей обороняющейся части немцами был уничтожен гарнизон и увезены 45- мм пушка и ст. пулемет, поэтому всю ночь без смены все бдительно стояли на своих постах, периодически прочесывая лес из пулеметов.

19 и 20 марта к нам в оборону приходили «гости» на рекогносцировку для наступления, под большим секретом, но нам было ясно. 21-го нас ночью сменяют гвардейцы, и батальон передвигается на самый правый фланг обороняемого участка с задачей общего наступления в армейском масштабе. Правый фланг у нас вновь остается открытым. На рассвете с небольшой арт. подготовкой в 10.00 из р-на хутора Степеши пошли одной ротой ст. л-та Лядова в атаку, справа наткнулись на минное поле и под пулеметным огнем противника залегли, левее метров 300 группа солдат прорвалась на хутор Степеши и подавила пулеметную точку, тогда соседи слева 1250-го с. п. успешно пошли вперед. Переведя всю стр. роту влево и перейдя через противопехотные мины, расставленные в четыре ряда еще зимой, а теперь вытаявшие из-под снега, с большой осторожностью наступая между минами, перенеся все пять станковых пулеметов на плечах, вышли вперед на 500 м к опушке леса. При переходе через минное поле, несмотря на осторожность, подорвались два солдата, один из них – мой лучший командир расчета, наступивший на хворост, лежащий через канаву. На поляне у леса много лежало трупов наших бойцов в валенках и полушубках, видимо, погибших в зимних наступлениях какой-то части. Дальше, не встречая активного сопротивления, пересекли лесной массив и вышли на опушку к хутору Мутикас, откуда строчил немецкий пулемет. Временно задержались, докладываю по рации обстановку командиру полка, и принимаем вместе с командиром роты Лядовым решение просочиться группами слева к хутору.

В это время левее метров 500 соседний 1250-й полк, успевший подтащить за собой пушки, дружно пошел в атаку. Мы группами, перебежками зашли внезапно на хутор, где захватили врасплох пулеметчиков с ручным пулеметом немцев. Видимо, при малочисленности немцы оставляли заслоны с ручными пулеметами. Время подходило к вечеру, и мы с командиром роты Лядовым решили переночевать на этом хуторе в добротных немецких землянках, но получили приказ на продвижение дальше. Пройдя еще один км, мы вышли на опушку леса, справа к нам примкнул второй батальон нашего полка, в это время сосед слева – 1250-й стр. полк готовился через 10 минут к наступлению в направлении отдельно стоящего хутора с сараем на поляне в 300 метрах. Под короткую арт. подготовку мы примкнули к соседнему полку и пошли через болотистый участок с заходом через березовую молодую рощу справа. Лядов остался сзади. я вместе с пулеметчиками и пулеметами на плечах побежал вперед. Недалеко, справа от меня раздался взрыв, инстинктивно оглянулся, я увидел офицера, взмахнувшего руками с окровавленной маской вместо лица, бегу к роще, кругом в разном направлении свистят пули. Забежав на болоте в какую-то дощатую немецкую будку, передохнув вместе со связным Навритюком, стали выходить по направлению к хутору, на опушке леса встретили раненого пулеметчика одного, я велел Навритюку взять с собой тело пулемета без катков. Перебегая через открытую поляну к следующим отдельно стоящим деревьям, по нам справа метров со 100-150-ти хлестнула пулеметная очередь с трассирующими пулями, по которым, оглянувшись, метрах в 10-ти за мной я увидел, как они прошивают бегущего Навритюка. Добежав метров 30 до отдельно стоящих деревьев, где был небольшой окопчик, почти полностью заполненный водой, упав в окопчик и укрывшись за бруствером, велю стонущему Навритюку ползти, перекатываться к укрытию, но заплечный вещмешок не давал возможности перекатываться. Спустя некоторое время он замолчал. Достать его на виду у пулеметчика не представлялась возможность. Через

некоторое время я броском преодолел метров 150 и забежал в сарай кирпичный, где скопилось наших человек 50 с тремя станковыми пулеметами нашей роты. Послав трех человек за Навритюком и не успев проверить и выставить пулеметы на круговую оборону, как в стену сарая ударил первый снаряд из пушки прямой наводки немцев, за ним последовал второй, тогда все бросились врассыпную в рядом отрытые небольшие окопчики. Места больше не было, и мы вместе с командиром взвода стр. роты побежали к отдельно стоящим деревьям. Противник, видимо, видя перебегающих офицеров, довернул пушку на нас, пропустив два – три снаряда мимо, мы упали на землю. Когда обстрел был перенесен опять по хутору и сараю, мы перебежали к тому окопчику у трех деревьев. Неподалеку за укрытием стонал вытащенный тяжелораненый Навритюк. Минут через 30, когда начало темнеть, подполз командир батальона майор Попов. Оценив обстановку, комбат приказал отойти всем на опушку леса, так как сарай и хутор были в задаче по захвату у 1250-го стр. полка. Под прикрытием темноты все в полный рост вышли к лесу. На ночь, найдя одну землянку, я оставшихся три пулеметных расчета расположил на отдых и просушку, выставив при этом боевое охранение. У землянки, в которой расположился к-р батальона, меня встретил старшина роты с ужином и водкой. Дав Навритюку 200 гр. водки отправили его на носилках и далее на лошадях в санроту. По пути он скончался. Накормив пулеметчиков, я лег спать в хорошо натопленной землянке вместе с комбатом. Наутро появился командир полка, и, в срочном порядке подняв всех, через 15 минут без арт. подготовки пошли в наступление. Почти беспрепятственно преодолев мелкий густой молодой лес метров 150, вышли на опушку напротив жел. дорожного полотна, за которым сидели немцы, сразу же наше появление встретили плотным пулеметным огнем из тремях пулеметов. Залегли, сколько могли, окопались. Скоро рядом со мной у телефона был ранен осколком снаряда командир стрелковой роты Лядов. Через 20 минут по телефону принимаю распоряжение командира

батальона принять командование оставшимися бойцами, а их всего осталось восемь человек активных штыков и три ст. пулемета с неполными расчетами. По приказу командира батальона совместно с остатками 2-го батальона поднялись еще в атаку, потеряв при этом еще четыре человека. Больше поднимать в атаку было некого и бесполезно. Ночью были отведены назад за лес, где два батальона слили в один первый батальон. Моя рота пополнилась до семи полных пулеметных расчетов.

Утром выходим левее рощи в готовые траншеи для очередного наступления. Минут за пять до начала арт. подготовки высланная вперед разведка доложила, что противник ушел. Преследуя отходящего противника, прошли три км по шоссейной дороге, густо заминированной противником. У развилки дорог, не доходя до школы, мы неожиданно были обстреляны арт. минометным и пулеметным огнем. Перебежками и ползком идем на сближение. В 16.00 идем в атаку, но сильным пулеметным огнем были задержаны, потерь почти не было. Один из командиров стрелкового взвода, прорвавшись в расположение немцев с двумя солдатами, ракетными сигналами вызывает огонь на себя, но артиллерия полка не была подготовленной, и они вынуждены были отойти обратно, забрасываемые гранатами немцами. Ночью занимаем траншеи у самой школы, но к утру были выведены в резерв дивизии. Расположившись недалеко от переднего края в лесу, от неожиданного арт. налета самоходной артиллерии несем потери. Из моей роты выбыло по ранению пять пулеметчиков. Сдаю три пулемета и оставляю четыре полных расчета. Днем под прикрытием складок местности выходим на передний край к хутору, впереди на другом хуторе за 1200 м немцы. На виду группами переходят. Установив пулемет на столе в окно в хуторе, обстреливаю трассирующим пулями группы немцев, которые вынуждены были прекратить передвижение и залечь в траншеях. Ночью обходным маневром в 10-12 км выходим к хутору Пепуляс в направлении деревни Яунпилс. Утром 25-го марта совместно с командиром полка производим

рекогносцировку. Днем поодиночке на виду у противника без потерь выводим роты. В роте из офицеров один командир взвода, вторым командиром взвода назначаю старшину Макурина. При выборе слева выгодной позиции для пулеметов для обеспечения атаки, Макурин был тяжело ранен из пулемета противником, заметившим нас на открытом бугре. В 14:00 после арт. подготовки, поддержанной зенитной артиллерией, выдвинутой на прямую наводку, батальон поднялся в атаку. Преодолев открытое место метров 400, овладели лесом, но закрепиться не имели возможности из-за больших потерь убитыми и ранеными. Два пулеметных расчета, выдвинувшихся за наступающей пехотой, вынуждены были окапываться, один из них под крылом сбитого самолета, куда я добрался по канаве ползком вдоль дороги. Навстречу мне стали выползать по воде, кто мог, раненые. Неосторожно поднимающиеся из канавы сразу были убиты снайпером. Приказав пулемет убрать от хорошего ориентира-самолета, я также ползком по канаве возвратился на хутор, где уже разместился НП полка. Оставшийся один командир стрелковой роты капитан Воронин был тяжело ранен в глаз. Я с предчувствием ожидал приказа принять командование оставшимися стрелками и пулеметчиками полка. К вечеру до выяснения потерь, находясь во дворе хутора, при неожиданном обстреле скорострельной пушкой по хутору я был ранен осколком в икру левой ноги, в 17:30 25-го марта. Сделав перевязку и передав роту командиру взвода, я с пустыми зарядными ящиками на лошадях галопом проскочил простреливаемую поляну и потом добрался до сан. роты. Далее на лошадях был доставлен в медсанбат, где уже ночью мне извлекли осколок и эвакуировали в 118-й эвакогоспиталь. 27-го на машинах перевезли в ГЛР № 2350, который был расположен в ранее знакомом мне районе хутора Мингали. 21-го апреля переводят в ГЛР № 3037, в котором я был на излечении в Риге.

26-го по сообщению о награде я дошел недалеко до Мызы Яунпилс, где был штаб армии и получил орден Отечественной войны II степени.

Первое мая встретили в госпитале, который располагался в лесу в утепленных палатках.

В 4 часа утра 8-го мая мы были разбужены криками о Победе. Выбегали все, кто мог, и весь медперсонал. Торжество было неописуемым, все осознали, что остались живыми и смогут возвратиться домой, к своим семьям.

Через несколько дней мимо госпиталя по дороге проследовали конвоируемые капитулированные немцы во главе со своим командованием.

Из госпиталя в расположение своего 1248-го стр. полка, который находился в г. Сабиле, я возвратился 2-го июня. По пути в полк зашел в штаб армии, где мне вручили орден Отечественной войны I ст. и присвоение звания гв. капитан.

Из Латвии в ноябре месяце жел. дор. эшелоном 376-я с. д. передислоцировалась в г. Пенза, а 1248-й с. п. – в Каменку ст. Лермонтово. Был демобилизован в июле 1946 года.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 19, л. 6-22. Подлинник. Машинопись